

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

А. Я. Кучеров

1

«Россия тесно связана со всей историей французской революции»¹ — писал еще в 80-х годах прошлого века Альберт Сорель.

Эта связь несомненна, а между тем кроме простого указания на зависимость отдельных явлений общественной жизни России в конце XVIII и начале XIX столетия удельный вес этой зависимости остается до сих пор неопределенным.

Без сомнения с революцией была связана реакция, разгромившая новиковский круг, усилившая цензуру, попытавшаяся поднять авторитет церкви и укрепить самодержавие.

Но возникла ли эта реакция именно на основе впечатлений от революции или независимо от них в процессе классовой борьбы в России?

Вопрос становится сложнее при попытке определить роль революции не только в становлении реакции, но и в формировании либеральной дворянской и радикальной буржуазной идеологии, предопределивших декабрьское восстание. Историография не располагает достаточным материалом, чтобы с уверенностью ответить на эти вопросы.

Свидетельств о впечатлениях, принесенных революцией и оспитывавших в первую очередь русское дворянство, дошло до нас не так много, тем более, что в годы павловского царствования не только печатное, но и устное слово о революции подвергалось строгому запрещению. И все же (хотя в 90-х годах есть статьи и выступления на эту тему), на устремлениях и высказываниях писателей и публицистов лежит печать событий, окончательно надломивших феодальный абсолютизм в Европе.

Так, например, философичность в русской поэзии конца XVIII века, религиозный мистицизм такого поэта как Бобров, —

¹ Европа и французская революция, т. I, стр. 398.

без сомнения, не только результат влияния масонства, но и отклик на впечатления революции.

В традиционных темах в эти годы вычитывают далеко не традиционное содержание, и даже мотивы, к примеру, сумароковских стихов:

Смертный, будь ниже,
В жизни ты сей,
Стал ты поближе
К смерти своей

могли быть наполнены новым и злободневным содержанием. Такие мотивы не только воспринимались, но и создавались с учетом нового содержания. В «Истории Перона» читатель искал судьбу современных правителей.

«Идеи о свободе и равенстве еще не разъяснены как следует» — писал Wilhelm Freiherr von Byern и рекомендовал сторонникам реакции обратиться к тому же материалу, в котором французская революционная буржуазия находила для себя оружие против самовластия. «Краткая правильная картина старых греческих и римских республик... действовала бы значительно сильнее, чем самая искусная теория».¹

В 1802 г., когда при Александре I в период реформы тема революции была изъята из-под запрета, и первый русский политический журнал «Вестник Европы» буквально с первой до последней страницы заполнялся материалами о Франции, когда в короткий промежуток времени появился на эту тему десяток книг Карамзин нашел целесообразным поместить в своем журнале «Историю французской революции, избранной из латинских писателей». Такая история, в которой Тацит, Саллюстий и Светоний рассказывают о французской революции, могла быть составлена и переведена именно потому, что в XVIII в. существовал своеобразный эзоповский язык, понятный для каждого читателя.

К этой традиции чтения между строк и вычитывания интонации, — традиции, воспитанной классицизмом, тесно связанной с аллегорией, как формой поэтического представления, — прибегала и революция и реакция. В России отношение к революции выражалось именно этим путем в силу однозности самой тем

¹ Wilhelm Freyherr von Byern. «Was kann man von Russland in den jetzigen kritischen Zeitumständen zum Wohl der Menschheit hoffen?», 179 стр. 8—9.

Когда В. А. Озеров в оде «На восшествие императора Александра Первого на престол всероссийский» писал:

Теките быстротечны воды,
 Несите в глубину морей
 Те слезы, лили что народы
 У освященных алтарей,

читателю было ясно о каких слезах идет речь, даже если бы дальше и не следовали строки:

Стремишься в вечность ты подобно
 О, время для Европы злобно!

Русская литература, не посвятив ни одного значительного произведения французской революции, не только отразила отношение к ней почти всех слоев общества, но и определилась в некоторых своих направлениях под влиянием впечатлений от революции.

Литературная деятельность Шишкова и Карамзина и борьба архаистов и новаторов, национализм, определившийся в качестве своеобразной литературной идеологии, в 90-х годах XVIII столетия в значительной степени обуславливались именно отношением русского общества к французской революции.

2

Во Франции уже задолго до собрания Генеральных штатов говорили о неизбежности переворота; эти годы и в России были далеко не спокойными.

Годы эти, начиная с усмирения пугачевщины, можно назвать периодом наступления Екатерины на то положение вещей, которое с ее точки зрения и точки зрения двора привело к Пугачевскому бунту. Вся законодательная деятельность Екатерины по укреплению городского управления была связана с желанием обеспечить себя от крестьянского мятежа. А. С. Шишков в своих «Записках», вспоминая о раздаче деревень при Павле I (т. е. много лет спустя), откровенно писал:

«Причиною сей раздачи деревень сказывают был больше страх, нежели щедрота. Павел I, может быть наугаанный примером Пугачева, думал раздачею казенных крестьян дворянам уменьшить опасность от народных смятений».¹

¹ А. С. Шишков, Записки. Берлин, 1870, стр. 22.

Расслоение внутри русского дворянства, борьба русского купечества (в целом незначительная) с теми дворянами, которые непосредственно или через своих крепостных принялись торговать в ущерб купечеству и наконец положение крестьянства — особенно на фоне пугачевского мятежа и позже французской революции — приобретали в глазах наблюдателя-современника тревожную окраску.

Характерны в этом отношении отзывы иностранцев: Сегюра, Жанэ, Массона. Как видно из цитируемых ниже мемуаров, они преувеличивали отдельные факты, поднимая их до уровня сознательной и почти организованной классовой борьбы по европейскому образцу. В действительности классовая борьба в России XVIII века стояла на значительно более низкой ступени.

В России в XVIII веке противостояли друг другу два класса — дворянство и крестьянство; буржуазия была крайне слаба, находилась в зависимости от дворянства и не противостояла дворянству как класс, а крестьянство было лишено возможности воплотить свой протест в форму организованной борьбы.

Эта расстановка сил, конечно, и определила характер влияния впечатлений от революции.

Несмотря на то, что расслоение внутри дворянства в условиях капитализации крепостного хозяйства росло и создавало почву для усвоения уроков французской революции, факты, выражающие недовольство расслоением, капитализацией или, напротив, медленным ходом этой капитализации, чрезвычайно малочисленны. А главное очень трудно определить, в какой мере эти факты выражают точку зрения выдвигавшего их класса или слоя.

Так например, грамота о вольности вероятно удовлетворила не всех дворян: Щербатов считал вольности дарованные дворянству недостаточными. С другой стороны в 1793 г., в разгар французской революции, мелкий чиновник Кречетов, скорее всего из мещан, обвиненный в стремлении устроить «пагубное равенство» наподобие французского и заключенный в Шлиссельбургскую крепость, на следствии показал, что считает несправедливыми указы о вольности дворянству, «ибо на вольность и другие сословия право имеют».

Существовала в общем незначительная по своему удельному весу борьба между дворянством и купечеством. Противоречия между этими двумя классами, определившиеся еще в скатери-

нинской комиссии об уложении, свидетельствуют о стремлении купечества к самоопределению. Но они же свидетельствуют и о том, что купечество (русская торговая буржуазия) было радо где возможно слиться с дворянством. В этом отношении тема Мольера «Мещанин во дворянстве» была вполне злободневной и в России.

Иллюстрацией к обоим этим положениям может служить пьеса второстепенного драматурга В. Кольчева «Купец Дворянящийся»,¹ первый раз представленная на императорском театре в 1780 г.

Вот несколько диалогов из этой пьесы:

«Размотаев: Я продам заводы и лавки.

Здравомыслов: Ты сделаешься ростовщиком, которым быть бесчестнее, чем купцом.

Размотаев: Я не буду ни тем ни другим, а куплю деревни.

Здравомыслов: Кто дал тебе право покупать деревни?

Размотаев: Я определяюсь на службу и получу чин.

Здравомыслов: Поселилось дворянство в голове его...»

Этот диалог продолжается:

«Размотаев: Я не останусь, сударь, купцом — они всеми презренны — и никаких преимуществ не имеют.

Здравомыслов: Кто презирает купцов? — Всякой благоразумной человек знает, что они столько же нужны в государстве, как и дворяне; и купцы и дворяне равные граждане и равно полезны... Мы не имеем преимуществ дворянских, а дворяне не имеют наших...»

Пьеса заканчивается речью Здравомыслова, в которой он говорит:

«Многие думают, что одно состояние счастливее другого, но сих мнение ложно».

Пьеса свидетельствует о стремлении примирить противоречивые интересы купечества и дворянства. В конце заключен намек, выражающий тенденцию купечества сохранить исключительное право на торговлю.

В книжке «Амстердамский мещанин, беспристрастный политик», явно русского происхождения, несмотря на подзаголовок: «перевод с французского», эпиграфом помещены следующие знаменательные стихи:

¹ «Купец Дворянящийся», комедия в 3 действиях Василия Кольчева, М., 1781.

Дворянства не хочу в свой век я получить,
 В мещанстве я рожден, хочу в мещанстве жить:
 Дворянство же купя, свой промысел забудешь
 Ни рыба ты, ни мясо будешь.

В «Опыте о просвещении» Пнина мы находим мысли, подтверждающие характеристику купечества, данную Кольчевым.

«Купцы, довольно разбогатевшие, гнушаются быть купцами. Состояние сие кажется уже для них низким. Они хотят быть дворянами. Странное желание».¹

Противоречия между дворянством и купечеством не выступали в России как борьба буржуазии с феодальным абсолютизмом. Это крайне важно учитывать. Но во всяком случае взаимоотношения между русским дворянством и купечеством могли пробуждать внимание к революции.

Иными по характеру были противоречия между средним и крупным дворянством, определявшиеся все явственнее по мере увеличения вывоза из России. Каждая из этих групп желала той формы власти, которая бы укрепляла пригодные для нее формы хозяйствования. Этот антагонизм был не только антагонизмом между оброчным и барщинным хозяйством, но и между всеми тенденциями и устремлениями среднего и крупного землевладельца, очень часто выступавшего и предпринимателем. Среднему и крупному дворянству нужны были разные формы монархического правления. Если крупный землевладелец и дворянин был заинтересован в просвещенной монархии (Никита Панин), о которой помышляли дворянские либералы в течение всей второй половины XVIII в., то средний и мелкий помещик, провинциал, нередко живший почти натуральным хозяйством, был заинтересован в сохранении существующего положения вещей.

Провинциальное дворянство выступало как мещанство своего класса. Довольно многочисленное, оно тем самым значительно затрудняло и маневрирование и переход дворянства на капиталистические рельсы, стоя в целом на страже традиций, обычаев и старины.

Самостоятельную группу в дворянстве всегда составляла та аристократия, которая была недовольна общим ходом дел, фаворитизмом и которая не могла спокойно смотреть, как всякие *parvenus* вроде Григория Орлова, Потемкина и Зубова обогаща-

¹ И. Пнин. Опыт о просвещении относительно к России, 1804, стр. 71.

лись и обогащали своих приближенных, создавая угрозу второй пугачевщины. В этот разряд входили и Воронцовы, и Щербатов и многие другие.

Из «Автобиографии» С. Р. Воронцова мы узнаем, что в год екатерининского переворота (1762) Воронцовы были на стороне Петра III, вместе с канцлером М. И. Воронцовым, отказавшимся присягать Екатерине II. В турецкую войну 1770 года С. Р. Воронцова обошли чином. Потемкин к нему не благоволил; кроме того С. Р. Воронцов уже в пору своей службы послом в Англии был обременен долгами (как впрочем и большинство русского дворянства). У Щербатова и других были свои основания для недовольства.

В своих мемуарах о России Массон, дворянский либерал, зараженный веяниями революции, сильно преувеличив оппозиционность настроений аристократии, отметил, что Москва являлась средоточием оппозиционного дворянства.

«В России существуют среди высшей знати даже при дворе благородные и гордые души, — писал Массон, — которые, не будучи сторонниками свободы и равенства, относятся с глубоким отвращением к тому унижению и лжи, которых требуют от них. Деспотизм удовлетворяет только варваров, но такими не являются русские родовитые люди».

В другом месте Массон писал:

«Многие из этих фамилий владеют до двадцати тысяч душ, городами, пушками, безграничными богатствами и, что еще важнее, имеют родственниками генералов и руководителей армий. Это значительно больше, чем было бы нужно. И с помощью одного сражения дело надо думать было бы решено в их пользу, а не против них».¹

Особое место в борьбе классов в России уже со второй половины XVIII в. занимает разночинная интеллигенция. Ее ряды, как и в XIX в., пополнялись всеми сословиями, но она была лишена той значительности, которую приобрела в XIX в.

Между тем те черты, которые характеризуют собой разночинную интеллигенцию в XIX в. — утопический социализм и народничество — своеобразно намечаются уже в XVIII столетии.

В XVIII в. в защиту крестьянства с особенной силой говорят не публицисты и писатели дворянства или купечества (последних

¹ Mémoires secrets sur la Russie, 1800, t. II, p. 39.

вообще было крайне мало), как бы либерально они не выступали против злоупотреблений, а именно разночинная интеллигенция; наиболее талантливым и глубоким выразителем ее взглядов можно признать Радичева.

К началу революции голос разночинной интеллигенции становится отчетливее, и характерным для нее становится выступление и против дворянства и против купечества, в более или менее резкой форме. К этим выступлениям следует отнести отчасти «Сатирический Вестник» Страхова и стихи вроде напечатанных в «Деле от безделья», направленные, повидимому, против известного миллионера Походяшина и принадлежавшие, вероятно, поэту-разночинцу Михайле Сушкову:

Дед с оцом ездил в телеге,
И помахивал кнутом:
Внук живет в богатстве, в неге,
Ходит в бублях гогольком
Из телеги сел в карету,
И четыре лошака
Свету целому в примету
Пятого мчат дурака.¹

Стихи с такой ориентацией были конечно редки.

Такова в общих чертах картина расстановки сил в России перед началом и во время французской революции.

3

Каковы были взгляды и точки зрения, оформившиеся под влиянием впечатлений от революции, получившие массовое признание и распространение почти во всех слоях дворянства и купечества?

Массон утверждал, что для одной революции Россия созрела, а именно для аристократической; в отношении же буржуазной революции он полагал другое. «Если французская революция, как утверждают многие, распространится по всей земле, то почти наверняка Россия окажется последней страной, в которой она появится» (т. II, стр. 3), — писал Массон. «Отчаяние может здесь или там толкнуть этих несчастных крестьян к незначительным восстаниям против их владельцев, но всеобщая революция в России это химера» (т. II, стр. 9).

¹ Дело от безделья, 1792, март, стр. 9.

И действительно, если годы 1789—1793 и последующие и дают кое-какой материал для характеристики отношения к французской революции оппозиционного и стремящегося к буржуазным реформам дворянства и разночинной интеллигенции, в которую входили и представители наиболее передовой части купечества, то в еще большей степени они раскрывают отношение реакционной массы дворянства.

Принято считать, что как раз масонские круги были наиболее реакционной группой в эти годы. Это действительно так, несмотря на то, что масонство не представляло собой однородной массы. Христианская эгалитарность и христианский коммунизм даже в мистическом преломлении могли порождать и в некоторых случаях порождали протест против несовершенств государственной монархической системы.

Существует версия, будто бы Павел I, приехав на коронацию в Москву, сам будучи масоном, в заседании одной из лож объявил о закрытии лож, мотивируя закрытие французской революцией.¹

Между тем, как раз масонство, не опасаясь вопросов в упор и якобинской фразеологии, вырабатывало в это время в своей философии наиболее приемлемые для монархии разрешения выдвинутых рационализмом и революцией политических и социальных проблем.

Несмотря на разгром московского ядра масонов, оно снабжает правительственные круги и помещика-провинциала оружием против революционной идеологии.

Для нас как раз интересны самые незаметные книги, уходившие в толщу читателей конца XVIII в. Они лучше всего отражают настроения и кругозор среднего и мелкого дворянства и примыкавших к нему групп в конце XVIII и начале XIX столетий. Такой книгой была «Записная книжка для друзей человечества». Автор и год напечатания неизвестны.

В книге помещен отрывок «Нечто о вольности» (стр. 15—19). «Если бы кто спросил невольника, пленного или галерного, чего он желает? Без сомнения получил бы в ответ: вольности... Так говорит подданный тирану или когда не смеет сего сказать, то вздыхает он более о вольности, нежели гражданин вольной державы. Вследствие сего примечания большее или меньшее желание свободы показывает больший или меньший недостаток оная».

¹ См. «Масонство в его прошлом и настоящем» под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова, 1914, т. II, стр. 151.

Далее автор пытается проанализировать, как возникает такое стремление и дает следующий ответ: «Человек повсюду ограничен, желал бы он измерять небо, пройти все звезды; но тяжесть его тела привязует его к земле». «Обыкновеннейшие узы человека суть его чувства». «Всякий человек чувствует свою неволю, и не всякий желает познать род своих оков».

«Прилепившийся к единым чувственным забавам ощущает тяжесть оков тем более и тогда вопиет о вольности», и та вольность, которой они желают, вольность «в недостойных бедных и низких вещах, относящихся к упражнению их и к роду жизни».

«Из сего происходят разного рода вольности: университетская, республиканская, солдатская, писателей, критиков; и по изъяснению некоторых некий род политической и христианской вольности».

Вывод из этого построения, в котором дальше автор спорит с теорией причинности французского материализма. таков: «Един только мудрый есть свободен, хотя бы он был в оковах» (стр. 17).

Ко всем темам этой книжки легко подобрать аналогичные высказывания в переписке московских масонов.¹

Об отношении масонов к французской революции мы узнаем из той же переписки.

«Монархи веселились сочинениями Вольтера, Гельвеция и им подобных; ласками награждали, не ведая, что, по русской пословице, согревали змею за свою пазухой», — писал А. М. Кутузов в марте 1792 года из Берлина А. А. Плещееву (стр. 196).

«Несчастливая Франция! Сия прекрасная земля приносится в жертву ложной философии и нескольким вкруженным головам», — писал тот же Кутузов 27 марта (7 апреля) А. И. Плещеевой (стр. 199).

В 1790 г. видный масон И. П. Тургенев напечатал без своего имени книжку на французском языке, которая в 1796 г. была переведена В. Протопоновым под заглавием: «Кто может быть добрым гражданином и подданным верным?», также без имени автора, но с указанием «российское сочинение».

В этой книжке И. П. Тургенев писал: «О! Ежели бы истинное христианство более господствовало во Франции, не представила бы она плачевного позорища, которое должно вселить скорбь и ужас во все сердца человеколюбивые и богобоязненные! Боже!

¹ «Переписка московских масонов», под ред. Я. Л. Барскова, II, 1915.

Великий боже! Не видно ли еще и теперь, что должно искать корень всех зол истребляющих Францию в пренебрежении существенных законов святыя веры иисусовой?» (стр. 31).

Для нас религиозная масонская точка зрения на революцию интересна тем, что именно она становится основанием ведущих теоретических высказываний против энциклопедизма, материалистической философии и республиканских форм правления. В эти годы печатаются книги против Руссо, против Вольтера и против энциклопедизма в целом. Одновременно в защиту единоначалия выступают авторы, выражающие взгляды средних слоев дворянства.

В 1790 г. переиздается впервые изданный в 1781 г. «Дикий человек смеющийся учености и правам нынешнего света» (изд. П. Богдановича). Цель этого издания ясна. В нем автор¹ занимается довольно спокойной по тону критикой Руссо и частично энциклопедистов.

Автор книги пытается дать обоснование единовластия и критику республики, осмысляя древнюю историю в интересах монархии, как позже советовал Wilhelm Freyherr von Buern: «Римская республика, в которой дух независимости более владычествовал, нежели в других местах, должна была необходимо подвержена быть раздорам, мятежам и междоусобным браням». Однако автор выступает и против самовластья: «В самовластных государствах... владетель и его подданные, беспрестанно смущаемые ожиданием самой внезапной смерти, должны препровождать жизнь исполненную страха и горести. Счастье происходит не от независимости, не от жизни, препровождаемой в работе, страхе, беспокойстве и смущении». Благоденствие и благодарность — вот что по мнению автора дает счастье людям. Здесь мы сталкиваемся с тенденцией, которая иногда выступала и в идеологии масонства.

В 1792 г. печатается отдельным изданием «Мнение некоторого россиянина о единоначалии»² (перепечатано в «Новых ежемесячных сочинениях», ч. XXX), в котором автор пишет:

Властитель праведный и сердцем и умом
Есть подданных отец: какая польза в том,
Чтоб власть его отнять и поручить народу,

¹ П. Богданович считается ее автором. См. Венгеров, С. А. Русские книги, СПб., 1899, т. III, стр. 10, № 6815.

² Существует предположение, что автором этих стихов была Е. Р. Дашкова.

Безумно чтущему мечтательну свободу?
Свободу! где она? она в душе моей:

.....
Что ныне Франция? Удары буйства гневны
Повсюду там творят позорища плачевны...

Вышло еще несколько брошюр со слабыми стихами против французской революции, в которых авторы пытались изобразить не только свое возмущенное отношение, но и представить теоретические возражения против идей равенства.¹

В 1792 г. произошли события, заставившие еще внимательнее следить за революцией во Франции: «возмущение» Польши и убийство в марте 1792 г. шведского короля Густава.² Эти события ставились в связь с французской революцией.

«У нас здесь ничего нового нет, — пишет А. М. Кутузов из Берлина кн. Н. Н. Трубецкому 27 марта (7 апреля) 1792 г., — занимаются все французской революцией и намеренным убийством короля шведского. В моих глазах оба сии происшествия суть едва ли не одинаковы».³

В этом же году при Академии Наук выходят «Записки о нынешнем возмущении Польши» в переводе с французского Н. Яцен-

¹ Так например, в книге «Дух гражданина и верного подданного, злодеяниями французских бунтовщиков воссмятенный» (М., 1794) автор А. Волков писал:

Возри на землю и растеньи,
Устрой на вся твои сужденьи,
Скажи тогда где сыщешь равенство;
Да будет нам в узику явность.

² О покушении на короля Густава, не считая газетных известий, были опубликованы две брошюры. «Достоверное известие о происшедшем в ночь с 16 на 17 число марта 1792 года злодейственном умысле на жизнь его величества короля шведского...», г. 1. е. а. На маскараде маска выстрелила в короля. Покушавшийся был безвестный отставной капитан Иоганн Иаков Анкарстрем. Вторая книга вышла также в Москве: «Достоверное известие о убийстве его величества короля шведского, от правительства в публику, которое объявлено 10 апреля» с указного дозволения. Москва. В типографии Исаака Н. Зедербана. 1792. В книжке на стр. 6—7 говорится следующее: «Анкерштрем и отставной же майор камерюнкер граф Клас Фридрих Сон-Горп имели между собой дружбу и уверенность и открыли друг другу мысли о политическом государстве, которым оба они были не довольны; почему и согласились короля уничтожить...» Далее подробно рассказывается план убийства короля.

³ Переписка московских масонов, под ред. И. Л. Барскова, 1915, стр. 193.

кова, вероятно, принадлежавшие перу эмигранта или даже написанные в России.

Роль Франции в польском восстании подчеркивается в ней определенно: «Вскоре потом обстоятельства Европы переменились (указание на французскую экспансию) к пользе сих мятежников, и гнусные источники с изобилием открылись к обогащению их; тогда исполненными шагами устремились они на конечное разрушение своего отечества» (стр. 21).

Книга заканчивается размышлениями о польских «бунтовщиках». Автор пишет: «счастливы они будут, если мятежники, опустошающие другую страну Европы, которых они были ученики, дадут им убежище в своей земле» (стр. 77).

Как же понимала охранительно настроенная часть русского дворянства истоки и причины революции?

Мы получим ответ на этот вопрос, если обратимся к труду аббата Барюэля (*Mémoires pour servir a l'histoire du jacobinisme*, par M. l'Abbé Barruel, Hambourg, 1798, 5 vol.). Первое неполное издание вышло в 1798 г. в Лондоне.

Его труд дает в законченной системе то, что у масонов и в отдельных выступлениях против энциклопедистов находишь разрозненным.

Книга Барюэля без сомнения была известна русскому дворянству в подлиннике сразу же по ее выходе в свет, а многое, о чем в ней говорилось, — и раньше по книгам французских публицистов из эмиграции, Senac'a de Meilhan и других.

Однако, в 1805 г. работа Барюэля переводится, очевидно с целью познакомить с ней самые широкие слои дворянства и, что особенно интересно, Петром Домогатским, законченным карамзинистом.¹ Книга вышла под названием «Вольтерьянцы или история о якобинцах, открывающая все противухристианские злоумышления и тайнства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы. (С франц. исправл. и вновь умноженного издания, в 12 частях.)»

Перевод посвящен Д. С. Болтину. «В самом начале французской революции появилась секта под несчастным именем якобинцев, научающая о равенстве и вольности человеков». «Что бы

¹ В предисловии Домогатский пишет: «Юную увядшую розу мою пересадил ты в приятный вертоград свой. Бледные неблагоприятные цветы ее преобразуешь ты в алые махровые... Друг человек! тебе я приношу книгу сия» и т. д.

это была за пожирающая секта?» — спрашивает Барюэль, — и отвечает: «Многие люди, не понимая причины французской революции, утверждали, что вся сия бунтующая и заговорная секта ничего не значила до революции». Барюэль утверждает, что в особой форме эта «секта» существовала уже до революции. «Они (якобицы) были так же новы, как и самое их звание», т. е. как буржуазия, говорит Барюэль в другом месте. Они были даже при дворе Людовика XVI, утверждает Барюэль. «Есть люди, — говорит он далее, — которые, прельстясь зловредным призраком, хотя и соглашались, что французская революция была приуготовлена прежде; но не страшатся утверждать, что ее первые виновники не имели худого намерения... Якобинские корифеи всего более стараются усилить это заблуждение».

Исследуя историю и причины французской революции, Барюэль усматривает три этапа якобинского заговора. Первый этап — заговор софистов беззакония против бога и всех церквей, в Женеве, Лондоне, Амстердаме, Париже, Риме и других местах.

Второй этап — заговор софистов беззакония и возмущения против всех законов и правлений, не исключая даже и республик: прогив всех гражданских обществ и против всякой собственности кака б она ни была».

Говоря о первом этапе, Барюэль называет следующих основных его виновников: Вольтер, Даламбер и Фридрих, король Прусский, к ним он присоединяет Дидеро.¹

Однако задолго до перевода «Истории» Барюэля еще в 1793 г., русское дворянство пытается объяснить причины возникновения революции во Франции. Эти попытки нашли свое отражение в исключительно интересной брошюре «Мысли беспристрастного

¹ Карамзинист Н. Брусилов в своем стерипанском сочинении «Бедный Леандр или автор без риторики» (СПб., 1803) писал: «Вольтер был самый едкий человек, он много сделал вреда Франции и переворот, сделавшийся в одной части, я приписываю большею частью его и других философов Франции сочинениям» (стр. 30). «Если бы Вольтер был истинным христианином, я бы почитал его первейшим из человек» (стр. 31). Достаточно этого высказывания, чтобы стало ясно, в какой мере среди русского охранительно настроенного дворянства должны были иметь успех рассуждения Барюэля. Кроме Барюэля несомненно значительное влияние на формирование русской реакционной идеологии должны были оказать такие авторы, как E. Burke, *Reflections on the Revolution in France*, 1790; Mallet du Pan (Jacques), *Des principes et des causes de la Revolution de France*, Paris-Londre, 1790 (эта книга имела в библиотеке Воронцовых), аббат Le Franc, *Considérations sur la révolution sociale*, 1791, и др.

гражданина о буйных французских переменах» (перевел с французского М. Б., Во граде Св. Петра, печатано в императорской типографии, 1793 г.).

«Мысли беспристрастного гражданина» являются переделкой неизвестной нам французской статьи со значительными добавлениями. Брошюре предпослано посвящение «сиятельному графу». В посвящении автор указывает на то, что он «предложил» (т. е. переделал) книгу, «которая особливое внимание его на себя обратила, как беспристрастным изъяснением всех причин бедственным замешательствам, совершенно разоряющим ныне французское государство».

Следует отметить желание автора быть объективным; он не стремится преуменьшить значение революции: «...Последовавшая во Франции перемена долженствует непременно сделать впечатление на соседственные ей земли и иметь следствия смотря по обстоятельствам, кои предъявятся и посредством, которые в пользу или против оной воспримут».

Автор учитывает, что от обстоятельств, в которых находятся европейские государства, будет зависеть направление и степень влияния французской революции. Каковы же те обстоятельства, которые необходимо устранить и существование которых подвергает страну опасности революционной заразы? На этот вопрос автор дает ответ, напоминающий взгляды Щербатова. Как и Щербатов, основой всех зол он считает «размножение городов» и «зарождение в городах тунеядцев», т. е. людей на крепких земле.

Существование этой среды и обстоятельства, благоприятствующие ее возникновению, дают основу для революции. Именно эта среда «с жадностью бросается на все произведения газетчиков и журналистов, философов, политиков, законодателей и прочих возмутителей народного духа». Существование этой среды характеризует положение западных государств, но и Россия, по мнению автора, очевидно склонна к этой болезни.

По пути в брошюре рассматриваются вопрос о вольности тиснения и основные лозунги просветительства, причем автор подчеркивает, что сами по себе эти лозунги не вредны и даже полезны, но вкладывать в них следует особый смысл.

В разделе, несколько непонятно названном «В Ахене» и быть может представляющем размышления автора во время его жизни в этом городе, он пишет о том, что положение французских дел приводит его на память мысли из «Наказа» Екатерины. Революции

автор пытается, повидимому, противопоставить мирные пути, а именно реформы путем введения новых уложений. В обширном примечании автор подробно, но с ошибками, заставляющими предполагать, что он не принадлежал к кругам знати, которой дела екатерининской комиссии были хорошо известны, излагает ее историю. Интересен самый ход мысли. Революция приводит на память комиссию о составлении нового уложения, деятельность которой не была доведена до конца и не привела к преобразованию. Этот ход мысли склоняет к предположению, что автор брошюры выражал точки зрения не отсталой части дворянства, мелкого и провинциального, но некоторой части крупного дворянства, соприкасавшегося с оппозиционной знатью.

Следует отметить, что эти идеи в конце столетия, именно под впечатлением революции, становятся типичными для многих дворянских кругов.

Изложив историю екатерининской комиссии, автор подвергает критике основные вопросы, выдвинутые революцией: «конституция», «вольность», «равенство», «права человека», «права народа и наций», «деспотическое правление или беспредельная власть», «рабство» и приходит к выводу, что вокруг всех этих вопросов накопились совершенно ложные представления, а между тем все они допускают и требуют трактовки в монархическом духе.

Отдельная глава посвящена «третьему чину в государстве или мещанству». И здесь позиция автора объясняет нам многое. Кто такие те, кто ведет революцию во Франции? — спрашивает автор, и дает ответ: «это народ, состоящий из попов, стряпчих, профессоров, бродяг и прочей сволочи». Автор не упоминает ни купцов, ни торговой, ни промышленной буржуазии. И напротив того, называет ее (стр. 84) «богатым и честным состоянием», с которым «попы, стряпчие, профессора и бродяги с парижской чернью» не имеют ничего общего.

Роль буржуазии в революции остается неотмеченной автором. Это понятно, если вспомнить удельный вес и роль русского купечества в эти годы в России. Купечество не вызывало особых опасений ни у правительства, во многом шедшего навстречу его интересам, ни у дворянства.

Однако, автор все же считает нелишним указать и буржуазии на подобающее ей место и посвящает этому вопросу специальное рассуждение о том, почему третье сословие именно третье по своему значению в государстве. Дело в том, что оно трудится

только в свою пользу и следовательно живет единственно для себя, между тем как истинное дворянство «пренебрегает собой ежеминутно для благоденствия других».

Книгу автор заключает рассуждением о крестьянском и городском сословии, отличая последнее от купечества и подчеркивая, что неустойчивое сознание горожанина является основой для духовной изменности, эгоистичности и материалистичности, при которых, по мнению автора, возможна революция. Не порицая торговли и купечества, автор порицает «торговый дух». «Торговый дух (т. е. дух городской, по его понятиям) в скором времени покоряет себе все головы и передает наконец сему развращенному целому нрав, имеющий впечатлением самохвальство во всех деяниях, и даже самый человек делается наконец некоторого рода товаром в собственных своих глазах» (стр. 96). «Всегда только из больших городов выходит начало развращения; столичные города в больших государствах подобно гнилым кореньям, от которых дерево упадет» (стр. 97), — пишет автор, подчеркивая как основную причину революции рост городов. «Такова история падений сильнейших монархий; из городов исходят пороки; из деревни приходит добродетель; деревни производят города, города разоряют деревни» (стр. 97). Таков вывод автора.

Эта дворянская социальная философия, развернутая в тесной связи с отношением к революции и пониманием ее причин, совершенно по новому заставляет осмыслить тенденцию, которая особенно ярко выступает в эти годы в деятельности «Вольного экономического общества» и журналистике: неоднократно подчеркивается необходимость крепости крестьянства земле и нападки против хозяйственных условий, подбивающих крестьянина к торговле, к отхожим промыслам, привлекающим его в города.

В речи «О некоторых причинах, препятствующих усовершенствованию хозяйства в России» (Труды Вольного экономического общества, 1794, ч. XIX) Федор Туманский в числе «весьма обыкновенных причин» указал на «оброчивание помещиками селян». «Его (крестьянина) дело явиться в срок с маловажной дачей т. е. с оброком) и он свободен». «Он найдет себе пропитание в городах, легче и избыточнейшее, но ему и потомству вреднейшее. От сего родится любовь к праздности и роскоши, пренебрежение сельския жизни и следственно гибель общаая».

Аналогичная дворянско-помещичья философия крепостного хозяйства существовала и до революции, однако, популярной она

становится среди дворянства как раз во время революции и надо думать, под впечатлением от нее.¹ Вопрос этот не изучен, но во всяком случае можно сказать, что во всех размышлениях о крестьянстве после 1793 г. присутствует доля учета событий во Франции.² Тенденция эта живее и в царствование Александра I. В 1812 г. подаются на высочайшее имя проекты об опасности создания крестьянского ополчения, ибо это может повести к событиям, схожим с революцией во Франции.

С 1793 г. начинается пропаганда против революции в среде провинциального дворянства, купечества и в низах разночинства. В 1795 г. выходит книга «Благоразумие, соединенное с добродетелью или политика мудрого» (с немецкого, М., 1795). В главе «Против зачинщиков народных беспокойств и вероломства» автор пишет: «Молодые люди... головы которых набиты химерическими идеями, должны особливо сего (духа партий) опасаться». Далее автор громит эту молодежь: «слепая ревность их выводит из границ, они ничем недовольны и хотели бы все переделать и исправить» (стр. 107). «Следствия такого безрассудного поведения столько известны, что нет мне нужды описывать их здесь» (стр. 108), заключает автор, прозрачно намекая на революцию.

В 1793 г. в Москве в типографии Решетникова печатается «Разговор между Взятколюбовым и окушником Скорохватом в одном немецком трактате. Любопытный разговор в царстве живых о французской революции. Истинная история, перевод с немецкого».³

В предисловии издатель пишет, что в разговоре он нашел «две великие истины», которые и заставили его этот разговор напечатать. Первая «в простомудрии и собственно в мещанском и крестьянском состоянии как в Германии, так вероятно

¹ Ср. с высказываниями в этом же духе в протекционистском буржуазном журнале Крылова, Кушова и Плавильщикова «Зрителе».

² Намек на них заключен и в «Друге крестьян» (М., 1793, без имени автора). В книге есть раздел: предложение о сельском кукольном театре о сочинении новых песен; заканчивается она словами: «хотите ли предупредить преступление? Сделайте, чтобы просвещение распространилось между людьми».

³ «Разговор» этот был отобран из книжных лавок и запрещен к обращению, как видно из дел архива Московского губернского правления, оче- видно в связи со стремлением прекратить разговоры о французской революции вообще.

и во Франции, больше можно найти здравого разума, душевных благ и нравственных народных качеств, нежели в отпрыске сего состояния, т. е. в таких, которые из мещанского и крестьянского состояния происходят. Когда они по счастью или несчастью или по некоторым отличным душевным дарованиям и познаниям на несколько ступеней восходят, то почитают себя столь превышающими оных, что стараются показать себя добровольными наставниками мещан и крестьян, возбуждать их словами и сочинениями к различным околичностям; восставать с беспредельной вольностью против всех разумных понятий; поносить в журналах и ведомостях подлеишим образом князей и дворянство; какое величайшее и вреднейшее политическое безумие в больном мозгу фанатиков рожденное, я разумею вольность наших времен, явно или скрытно выхвалять и распространять. Вторая великая истина, которую нашел я сею историею подтверждаемую, состоит в том, что возмущение подданных против своей высочайшей власти и поощрение к непослушанию оной и ее исполнителей вообще происходит только от таких людей, которые падеются или оказать услугу, или получить выигрыш при всеобщем расстройстве» (стр. II—V) «или таких которые разорились от распутной жизни» добавляет издатель.

Другими словами, автор выступает против разночинной интеллигенции. Далее разворачивается теория удовлетворенности крестьянства и доверия низов к власти. Здесь заключено зерно той монархической философии, которая в дальнейшем выставляла монархическую власть как власть в основе своей народную.

Вот что говорит в разговоре с Взятколюбовым староста Честоп: «...Есть ли бы наше узаконение было не хорошо, или по крайней мере не лучше, каковым вы его почитаете, то были ли бы и могли ли быть наши пфальцкие крестьяне столь благополучны, каковы они действительно? Слава богу! кто из нас работает и порядочно себя ведет, тот не только не имеет никакого недостатка, но и весьма довольно для благосостояния. Во всей Германии, как я слышал от путешественников, нигде нет крестьянина лучше одетого, довольного, бодрого и веселого, как в Пфальце. Мы платим великие подати, но они не отяготительны; поелику мы сами нужды не имеем. А хотя иногда бываем притесняемы: но сие редко случается и не вечно будет. При этом, не узаконение наше тому причиною, что частные люди, которые, так как и

мы, смертны и так надеемся, что по смерти их лучше будет» (стр. 27—28).

Старик Честон (Трактирщику):

«... Поверь мне, что есгь-ли бы каждой поступал по своей воле, здесь в деревне еще сделали бы других трактирщиков двадцать, и ты тогда бы без платежа пошлины гораздо меньше теперешнего получал барыша. Словом, друзья мои, оставьте наше узаконение в покое, ибо точно уничтожив оное, ничего лучшего не сделаете» (стр. 30).

Таков в общих чертах характер пропаганды монархического строя и понимание причин возникновения французской буржуазной революции в конце екатерининского царствования и частично в павловское и александровское время.

В заключение следует подчеркнуть, что французская революция значительно помогла оформлению русской монархической идеологии в существенных ее чертах: подчеркнутой националистичности, псевдонародности и демагогии в отношении крестьянства.

4

Обратимся к явлениям общественности (в первую очередь дворянской) и к той переводной литературе, которые могли подготовить менее враждебное отношение к французской революции.

Когда речь идет о реакционной идеологии и резко враждебном отношении к французской революции, не трудно определить, в какой мере та или другая точка зрения выражала взгляды широких слоев дворянства и купечества. Гораздо труднее это сделать в отношении идеологии либерального дворянства, несмотря на то, что и в данном случае речь идет только о вдумчивом и более серьезном, но отнюдь не одобрительном отношении к революции.

Последняя треть XVIII в. в России была ознаменована значительным влиянием предреволюционной французской литературы. Наплыв французских идей и книг, о котором в мае 1792 г. писал кн. Прозоровский,¹ главнокомандующий города Москвы,

¹ 20 мая 1792 г. кн. Прозоровский писал Екатерине II: «Осмеливаюсь, всемилостивейшая государыня, всеподданейше просить вашего величества, чтобы повелеть изволили положить границы книгопродавцам книг иностранных и отнять способы еще на границах и при портах подобные сему книги вывозить, а паче из расстроенной ныне Франции, служащие только

чинивший в это время следствие по делу новиковской компании, был вызван рядом причин и поводов, из которых наиболее важными являлись следующие.

Первым поводом была борьба большого и малого двора — екатерининской и павловской партий, которая, докатываясь до близ стоящего дворянства, могла порождать представления о некоторой шагкости престола.

Другой, болезненной для многих и поэтому трудно разрешимой причиной был вопрос о промышленном и аграрном путях России, в достаточной мере определенно наметившийся к концу столетия. За год до французской революции в России был, как известно, неурожай. О нем писал Щербатов в своей статье о причинах повсеместного голода в России. Между тем, неурожай в Европе 70-х годов показал русскому дворянству, что хлеб, пожалуй, самая выгодная статья вывоза. Это еще раз ставило вопрос о структуре крепостного хозяйства.

И, наконец, третьей — было неблагополучное состояние дворянских финансов, несмотря на открытие во вторую половину века ссудных дворянских касс, ссужавших под залог имений.

За три года перед революцией в Петербурге была переведена книга Неккера «О управлении государственных доходов французского королевства». Перевести ее представилось целесообразным вероятно по той же причине, по которой во Франции, как сообщает Сегюр, она лежала «в кармане у всех аббатов и на туалетном столе у всех дам». Дочь Неккера, мадам де-Сталь, писала, что этого сочинения ее отца было распродано 8000 экземпляров — цифра небывалая по тем временам.

На основе этого финансового неблагополучия и выросла крайне характерная для русской литературы XVIII столетия публицистика, нападавшая на роскошь, мотовство и столичную бесхозяйственность дворянства.

к заблужденно и разврату людей, не основанных на правилах чести. Я хотя все меры к сему взял, но довольно способов недостает совершенно сие удержать, паче потому что . . . таковые книги продают скрытно . . . и без ошибки сказать, всемилостивейшая государыня, можно, что все, какие только во Франции печатаются книги, здесь скрытно купить можно» (см. В. Сиповский. Из прошлого русской цензуры. Русск. Ст. р., 1899, май—июнь). Прозоровский, весьма ненадежный свидетель, плохо понимавший и преувеличивавший опасность привоза французских книг, однако правильно указывает на их распространенность в Москве, а тем самым и в Петербурге.

Наплыв литературы, обеспокоившей Прозоровского, был действительно весьма велик. Не было такой частной дворянской библиотеки из крупных, в которой бы отсутствовали французская Энциклопедия со всеми томами, запрещенными во Франции. Об этом свидетельствуют не только такие собрания как воронцовское или шереметьевское, но и провинциальные дворянские библиотеки.

Если просмотреть объявления о продаже иностранных книг в С.-Петербургских и Московских ведомостях за последние годы перед революцией и в 1789 г., окажется, что не было такой французской книги энциклопедистов, с которой русское крупное, особенно столичное дворянство не ознакомилось бы в подлиннике. Эту черту русское дворянство сохранило до середины XIX столетия. А. И. Герцен в «Былом и думах» рассказывает, как его отец не мог привыкнуть читать русские газеты и политические новости читал во французских.

Осведомленность в иностранной литературе и публицистике в подлинниках была настолько общей, что переводная литература свидетельствует скорее о запрсах провинциального дворянства и купечества.

В конце 80-х годов этот интерес несомненно возрастает и даже не столько специально к энциклопедистам, сколько вообще к книгам, критикующим современные государственные системы и посвященным анализу политического устройства республик. Следует при этом учесть, что за каждой такой книгой мог стоять, а иногда и стоял кружок, считавший полезным ее опубликование.

1789 г. был ознаменован выходом книг, далеко не монархического содержания, оставшихся незамеченным правительством.

К их числу следует отнести трактат Анжа Гудара «Мир Европы или проект всеобщего замирения»,¹ запрещенный во

¹ Ange Coudard. La paix de l'Europe ou projet de pacification générale, combiné par une suspension d'armes de vingt ans entre toutes les puissances politiques par M. le chevalier G***, Amsterdam, Chasterlain, 1757. Анж Гудар (1720—1791), сын инспектора коммерции, человек, склепленный к авантюрам, и в силу склада всей своей биографии оппозиционно настроенной к аристократии и монархии буржуа, эмигрировавший с родины и переселившийся вместе на место по всей Европе. Его жена, англичанка мисс Сара, была любовницей принца неаполитанского. Эта связь послужила к высылке Гударов из Неаполя, где Анж Гудар преподавал французский язык, и к переезду их в Голландию. Умер Гудар в нищете, вернувшись во время революции в Париж. Жизнь его напоминает биографии героев Прево и Лесажа.

Франции и печатающийся в Петербурге. В этой очень интересной книге, предлагающей европейским государствам договориться о прекращении войн и своеобразном разоружении, отчетливо сформулированы наиболее революционные положения французских материалистов. В книге встречаются подобные заявления: «Существующая в нынешнем свете политическая система отчасти уже кончена. По благоденствию, которое царствует теперь в некоторых государствах (республика Венецианская, Швейцарская и проч.), не употребивших по сие время другой политической системы кроме той, чтобы содержать себя в беспрестанном мире, не должно ли судить, что она могла бы быть системою и для нашего политического света вообще?»¹

Такой же интересной книгой была «История о правлении древних республик с показанием причин их возвышения и упадка», вышедшая несколько раньше, в 1788 г. В предисловии переводчик указывает на то, что это «английское сочинение полезно было только одному английскому парламенту, а французский перевод, похожий на новое сочинение, приносит пользу всем вообще и будет приносить оную отдаленнейшим потомкам».² Можно предполагать с полным основанием, что переводчик свою работу считал не лишеной интереса и в России.

В этой истории древних республик мы неожиданно находим довольно пространную заключительную главу «О состоянии Великобритании», в которой автор, хотя и отрицательно относящийся к буржуазным тенденциям («государство, составленное из купцов, воспитанное в домашних упражнениях, без способностей и без науки не может никогда устоять против государства военного»), весьма положительно расценивает парламентские вольности Англии.

¹ Мир Европы или проект всеобщего замирения, 1789, СПб., стр. 15.

² В предисловии переводчика автор книги называется «гражданином» (слово это еще не опасно) и указывается на то, что книга переведена с французского, которая в свою очередь была переведена или, вернее, переделана с английского оригинала. Французский автор Turgin (François Henri, 1709—1799), историк-критик, профессор университета (de Caen). «История о правлении древних республик» («Histoire du gouvernement de. anciennes républiques, ou l'on découvre la cause de leur élévation et de leur déperissement»), Paris) была им выпущена в 1769 г. и явилась переводом и переработкой работы Edouard'a Wortley Montague: «Reflections on the Rise and Fall of the Ancients Republics» (1739). См. словарь анонимов Barbier. № 8026.

«Намерение наших законодателей имело в виду удержание всеобщей вольности, утверждение прав каждого и простого человека, подавание руки помощи бедным и богатым, защищение бедного от нападения сильного. Если бы нам можно было быть тем, чем со времени последней перемены были, то бы мы остались навсегда страшными».¹

В 1788 г. в вольной типографии такого второразрядного города как Тамбов печатается «Дух Гельвеция», в котором помещены аналогичные сентенции: «Где законы частные пользы присоединяют к общественным, тамо процветает народная добродетель» (стр. 35—37). Книгу издатель заканчивает так: «В правительстве поврежденном, природа и воспитание не могут извести на свет великих мужей; каждый ищет своего благоденствия; но под бременем тягостного скипетра самовластителей турецких просвещение, достоинства и высокие качества не вводят человека в храм благополучия и славы» (стр. 41—42).

«Турецкое самовластие» в условиях особенностей чтения конца XVIII столетия приобретало антимонархический смысл.

В это же время выходит перевод книги аббата Вертота «Перемены Португалии», где между прочим говорится, что «все несчастья Испании происходят от их двора» (стр. 153).

Выходят «Персидские письма» Монтескье. И наконец из русских выходит «Житие Ушакова» Радищева и начинаются изданием два журнала, во многом враждебные бюрократической монархии, «Почта духов» Крылова и «Беседующий гражданин», издававшийся полумасонским кружком при участии Радищева.

Почти весь круг чтения русского дворянства и русского купечества указывает на живой интерес к политическим вопросам, особенно к вопросам государственного устройства. За ним скрывались поиски перемен, в которых были по своему заинтересованы и аристократия и отдельные представители купечества и, наконец, часть дворянства, вовлеченная в круг буржуазных интересов.

И действительно, первые отзвуки в России на раскаты французской революции еще не были враждебны.

Эти настроения запечатлелись не только в издательской деятельности, о которой говорилось выше и которая почти вся была в руках разночинной интеллигенции, но и в поведении отдельных представителей дворянства.

¹ История правления древних республик, СПб., 1788, стр. 457.

Эдмонд Жанэ, замещавший с 5 октября 1789 г. французского посла при русском дворе гр. Сегюра, в своих письмах к Монморену свидетельствует об этом еще не враждебном отношении к французской революции, преувеличивая его глубину и в особенности распространение.

«Если она (Екатерина II) не видит пропасти, которая готова разверзнуться под ее ногами, — написал он 8 ноября 1791 года, — я брошу туда некоторый свет, чтобы дать вам понять ее глубину. Три вида переворотов угрожают этой державе. Крестьяне, среди которых Екатерина II неосторожно распространила идеи вольности, в те времена, когда она проповедывала основы новой философии, также как теперь она проповедует основы деспотизма. Эти крестьяне, говорю я, готовы (больше чем об этом думают) сбросить ярмо тирании своих господ. Школы с каждым днем умножают число умеющих читать. Они с жадностью читают известия о новостях из Франции, которые достаточно аккуратно печатают русские газеты. Я видел кое-кого, кто плакал от радости, узнав, что король принял конституцию, я слышал, как другие из них говорили с жаром, что если их сыновьям, их братьям или родителям пришлось бы сражаться с французами, они их заклинали бы во имя всего святого стрелять в воздух. Приезжающие из Москвы путешественники уверяли меня, что там настроение народа еще более чем здесь возбуждено в нашу пользу».

«Мне остается дать вам отчет о третьем зерне революции, которое я заметил. Оно находится в сердце великого князя».¹

В другом письме Жанэ писал: «Можно было слышать молодых великих князей, важно рассуждающих о злоупотреблениях феодального режима или видеть их безнаказанно поющих революционные песни в императорском дворце, защищенных своим положением. Они вытягивали из кармана перед глазами фаворитов, испуганных и пораженных, трехцветные кокарды».²

8 ноября 1791 г. Жанэ писал, что «между офицерами гвардии парижские новости вызвали благоприятные отклики. Эти платонические соперники Лафайета аплодировали во французской комедии тем местам в «Свадьбе Фигаро», где имеются намеки на глупость солдат, позволяющих себя убивать не зная за что».³

¹ «Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. Russie, vol. 2». Paris, 1890, p. 518—519.

² Ibid.

³ Ibid., p. 520.

Все это были отзвуки 1789 г., когда два князя Голицына еще могли участвовать в штурме Бастилии и дочь Соймонова иллюминировала в Петербурге галерею в доме отца, празднуя 14 июля.

В С.-Петербургских и Московских ведомостях в самом начале революции дается довольно спокойная трактовка событий. Такую же спокойную позицию занимает месяцеслов Академии Наук на 1790 год. В хронологических списках достопамятных происшествий за конец 1788 и 1789 гг. июльские события излагаются так: «Народное собрание в Версалии имело достопамятное заседание, в котором дворянство, духовенство, гражданство и все прочие состояния отrekliсь от прежних своих привилегий; сверх сего вовсе уничтожены рабство, неравенство податей, тяжёбные пошлыны и другие права, коими меньшая, но сильнейшая часть народа, насчет большей, но убогой части пользовалась (курсив мой. А. К.). Обнаружившиеся сначала в Париже беспокойствия распространились по всему государству. Во всех городах Франции вооружился народ и чинил многие насильствия».¹

Последняя фраза не разрушает однако предыдущей. Такой же спокойный тон встречаем мы и в «Магазине английских, немецких и французских мод» еще год спустя:

Париж, 18 июля 1791.

«Дамы и щеголи наши кроме большого национального купола свободе строят и небольшую часовенку богине Моды» (ч. II, стр. 156).

Париж, 25 сентября 1791.

«Поелику король и королева наши являются ныне опять в спектаклях и других местах, обожаемые своими подданными и повсюду видны изъявления всеобщей радости, то чаятельно и и царство мое получит от того весьма заметное приращение» (ч. III, стр. 126).

Париж, 16 августа 1791.

«При всех угнетающих нас бедствиях не увидишь никаких признаков того в веселых наших беседах, в бесчисленных театрах, коими ныне по дозволению Национального собрания, заводят театры всякому кто сколько залочет сия страна изобилует

¹ Месяцеслов на лето от рождества Христова 1790... сочиненный из знатнейшие места Российской империи. В Санктпетербурге при имп. Акад. Наук, стр. 105.

в Пале-Рояле и на прогулках наших; да ежели бы Тюльерийский сад не был заперт, то почги и приметить бы не возможно было, что у нас что-го неладно».¹

Почему о французской революции молчали ведущие журналы?

Может быть потому, что было затруднительно высунуть с серьезным анализом, не склоняясь к полному порицанию французской революции, а с таким в 1789 г. может быть выступили бы «Почта духов» и «Беседующий гражданин». Тем интереснее отсутствие ненависти к французам, с которой сталкиваешься позднее, в журнале мод и Месяцесловах — изданиях, отвечавших на ходовые запросы времени.

Напротив, Екатерина II, что вполне понятно, встречает далеко не дружелюбно уже первые известия о революции. Об этом ясно говорят и переписка ее с бароном Гриммом и «Памятные записки Храповицкой».² Последние с исключительной точностью воспроизводят отношение Екатерины к событиям французской революции до конца 1793 г.

8 июля 1789 г. Храповицкий первый раз заносит в дневник о французских событиях: «Разговор о переменах во Франции. Получено известие que le tiers état самовольно составило из себя Собрание Национальное» (стр. 296).

27 июля 1799 г.: «Приехал курьер с известьем, что как скоро сведения в Париже о перемене министров, а особливо Неккера, то народ взволновался, взяв на подозрение королеву, разбил Бастилию, les gardes Françoises пристали к народу, король приходил в собрание депутатов, из коих несколько отправилось в Париж для умирения народа, но тут и утвердили свою милицию, над коим начальником de la Fayette» (стр. 299).

Такое преломление получают июльские события.

29 июля 1789 г.: «Разговор Е. В-ва о происшествии в Париже. «Le pourquoi est le Roi? (sic!) Он всякий вечер вьлн и им управляет, кто хочет, сперва Breteuil, партии королевской, потом Prince Condé et Comte d'Artois и наконец La Fayette, уговорили его ити в Собрание депутатов. Все знатные принцы крови выезжают из Франции, многие уже в Брюсселе» (стр. 299).

10 августа 1789 г.: «Разговор о Франции. Со вступлением на престол я всегда думала, что фермангации там должны быть;

¹ «Магазин мод», 1791 г., ч. III, октябрь, стр. 29.

² Дневник А. В. Храповицкого 1782—1793, под ред. Н. Барсукова. СПб., 1874.

ныне не умели пользоваться расположением умов: Фаэты, *comme un ambitieux* взяла бы к себе и сделала своим защитником! Заметь, что делала здесь с восшествия» (стр. 303).

25 сентября 1789 г.: «О короле французском: *«j'aime mieux le voir chassé de Versailles et enfermé à Metz.* Тут бы дворянство к нему пристало» (стр. 310).

Данная формулировка довольно ясно выражает точку зрения Екатерины считавшей не выгодным для короля оставаться в Париже и вести переговоры с Генеральными штатами. Король с точки зрения Екатерины не поступал соответственно долгу неограниченного правителя. Этим Екатерина склонна была объяснять недостаточную активность французского дворянства в первые дни революции.

В октябре 1789 г. Храповицкий снова записывает, на этот раз о герцоге Орлеанском: «Сказывали, что король французский имел особенное свидание *avec le Duc d'Orléans, premier prince du sang.* Он (герцог) вышел бледен и поехал в Лондон». (стр. 314).

14 июля 1790 г.: «Замечание Е. в., что Дюка Орлеанского сделают правителем и корона не будет наследственной» (стр. 341).

В этих двух записях намечается подозрительное отношение к герцогу Орлеанскому. Придворные круги и реакционное дворянство в Европе, а потом и в России, склонны были объяснять чуть ли не самое возникновение революции происками герцога Орлеанского. Эта точка зрения находит свое воплощение и в европейской и в русской литературе. В 1799 году в Петербурге выходит в свет «Разговор Людовика XVI с французами в царстве мертвых», в котором неизвестный поэт устами Людовика XVI говорит герцогу Орлеанскому:

Да кто же главною виною
 Что ныне Франция горит
 Междуусобною войною
 И бед своих конца не зрит?
 Чей перст разрушил галлов счастье?
 Как плод сих страшных бед возрос?
 Кто распростер сие несчастье?
 Чинит Лудовик сей вопрос.

Герцог Орлеанский отвечает:

О, брат мой! Я сего причина

26 августа: «Повеление к Симолину, чтоб в Париже всем русским объявил приказание о скорейшем возвращении». записывает Храповицкий в своем дневнике (стр. 345).

С этого времени, т. е. с середины 1790-х годов начинается деятельность Екатерины против революции.¹

В отношении Екатерины к революции и понимании ее мы сталкиваемся с представлениями, типичными для монархической абсолютистской идеологии, формировавшейся в борьбе с феодальной фрондой. Екатерина боялась революции и как выступления крестьянских масс и как выступления дворянства, между тем как русское дворянство стало всерьез опасаться революции только с той минуты, когда активной силой на сцену истории выступило крестьянство и люмпенпролетариат.

Французская революция в самом начале воспринималась как революция еще не ушедшая из рук дворянства. Она не была еще антимонархической, как это подчеркивают с достаточной ясностью многие источники.

Сам Людовик XVI, узнав о народных волнениях, больше всего был обеспокоен открывшейся дворянству возможностью воспользоваться движением.

¹ В письме от 16 января 1791 г. Екатерина писала Циммерману: «Я согласна с мнением Эдмунда Бурке (Бёрк. А. К.), а особливо в сказанном им о безначалии французском; разрушить оное значит приобрести себе бессмертную славу, и я не сомневаюсь, чтоб сия слава не прелюбоставлена была...» («Философическая и политическая переписка Екатерины II с доктором Циммерманом с 1785 по 1792 год.» Пер. с франц. СПб., стр. 183. 1803). 6 мая 1791 г. Храповицкий записал: «Mr. Senac de Meilhan... представлен в Эрмитаже, а сегодня после обеда был более часа у ее величества». В августе 1791 г. Екатерина II получает от барона Бомбала, приехавшего с письмами от братьев короля французского, что в Пруссии все готовы к возмущению и хотят пограбить французам». 16 августа 1791 г. Храповицкий записывает о Екатерине II: «Взято секретно на 500000 руб. векселей для употребления по делам французским». 3 сентября 1791 г. Екатерина принимает Эстергази в Эрмитаже. 16 сентября посылает к Циммерману письмо нарочно по почте. И Храповицкий замечает по этому поводу: «Отправлено, чтобы прусский король вошел с войсками во Францию». Все эти действия Екатерины предшествуют началу погранично революционных реформ во Франции. Конституция приводит Екатерину в негодование. 24 сентября 1791 г. Храповицкий записывает: «... приехал курьер из Парижа... Король, вошел в собрание национальное, подписал публично конституцию. Президент был Thouret. Приютная досада. В апреле 1792 г. Симолин выезжает из Парижа, 8 февраля 1793 г. Екатерина дает указ Сенату о разрыве сношений с Францией, а в апреле 1793 г. Россию посещает граф д'Артуа, брат Людовика XVI.

Вернемся к явлениям, которые могли подготовить в России менее враждебное отношение к французской революции. Отчасти этому менее враждебному отношению могли благоприятствовать феодальные аристократические настроения, державшиеся у отдельных представителей дворянства и позволявшие воспринимать на первых порах французскую революцию как революцию и для них, а также и увлечение идеей ограничения верховной власти, пустившее корни в дворянстве. Вспомним молодых князей Голицыных. Этим отчасти и определился характер отношения некоторых русских дворян в столицах к падению Бастилии. Это же восприятие оживляет и дает дворянской обществу основу для теоретических разговоров о свободе. Это настроение на первых порах было общим для дворянства и в Германии чувствовалось еще сильнее.¹

Замечательно, что некий безымянный автор, демагогическая книга которого против французской революции была переведена в 1793 г. с немецкого на русский язык под названием: «Ах, как вы глухи, господа французы», сам очевидно не дворянин, не поняв общего воодушевления, писал: «В Бастилию заключали только аристократов, которые либо в том, либо в другом месте делали тебе (народу) притеснения, — одни только дворяне, духовные судьи и страпчие, коих всех вы ужаснейше проклинаете, сживали в Бастилии.

«Заключали ль в оную хотя однажды какого купца или ремесленника, или крестьянина, или поденщика? Нет, они не удостоены были этой чести» (стр. 8).

И конечно в Европе, где народ не только не радовался, но и ничего не знал о падении этой крепости, уступившей натиску парижского пролетариата, радовалась и праздновала падение Бастилии не только буржуазия, но и дворянство.

И. В. Лопухин, наместник мастера в ложе «Блестящей звезды», видный чиновник екатерининской администрации, привлеченный по делу Новикова, стремясь реабилитировать себя,²

¹ В это время почти все представители Sturm und Drang'a, все сторонники немецкого просветительства отдают лань увлечения революцией. См. Hans Lirstein. Die Französische Revolution in dem Drama und Epos nach 1815, Breslau, 1912. Die französische Revolution im Spiegel deutscher Dichtung. Neue literarische Volkshefte, 1889, Heft 7.

² Прозоровский на допросе спрашивал Лопухина не было ли у московских масонов связей с революционной Францией. Новиковскую компанию

выпустил в 1794 г. брошюру «Излияние сердца, чтущего благость единоначалия...».¹ Убеденный монархист,² для которого основы масонства тесно переплетались с основами самодержавия, он дает в этой своей брошюре характеристику типичных представителей оппозиционного дворянства и разночинной интеллигенции, настолько яркую, что она очень многое разъясняет нам в русских оппозиционных настроениях и русской философской и политическою публицистике этих лет.

«Mr. de l'Ambition кричит: «все идет не так, как бы должно, я, я никакого влияния на дела не имсю» (стр. 46) — пишет Лопухин.

«Le Sr. Sentiment malplacé, встретив на улице скованных разбойников, трогается чувствительностью — кричит: какая жалость!.. и идет в книжную лавку навеститься много ли разошлось изданной им недавно книги *Chimère d'Égalité*, которая, ежели полюбится читателям (...), то должна принести тот плод, что многие тысячи невинных погибнут от междоусобия и миллионы в безумии гоняться будут за мечтою» (стр. 49—50).

«Почитающий себя философом начал сочинение так: «*Верное средство устроить благополучную республику, в которой бы везде, без малейшего нарушения все шло по законам, всех бы воли, как одна, были, и... перо притупилось — он чинив его не может с ним сладить, и сердится, что никогда не мог очинить себе пера по руке*» (стр. 51).

Mr. d'Effronterie «приказав отказать бедному человеку», негодует на вельмож, у когорых страдают просители (стр. 51).

Sansfrein жалуется на недостаток в законах (стр. 51).

Лорд Altiers с презрением хохочет тому, как Mr. d'aimant Pordge часа по три дожидается в передних у вельмож, называет это подлостью, раболепством (стр. 54).

упрекали, как пишет Лопухин, в «системе заводить вольность» («Записки» И. В. Лопухина, Чтения Общ. истор. и древ. рос., 1860, кн. 2 и 3).

¹ В 1795 г. эта брошюра была переведена в сокращении (со стр. 13 по 29) под названием «Благость и преимущества единоначалия».

² В масонской книге «Искатель премудрости или духовный рыцарь» (1791 г.) Лопухин пишет нечто вроде присяги и церемонии для вступающих в орден. Пункт второй присяги гласит: «Непоколебимая верность и покорность к своему Государю с особливою обязанностью охранять престол его... наипаче в настоящие времена Адского буйства и волнения противу Властей Державных».

«Собирающиеся напечатать себя философами, в честь богини *la Raison*, поставили ее болванчик на камине и пляшут перед ним от радости, что они открыли в естестве человеческом новые тайны, например: что пьют и едят люди, для того, что пить и есть хочется...» (стр. 54).

«L'Assassin, ожидая в тюрьме смертного приговору за данную им отраву, сочиняет рассуждение о бремени властей» (стр. 56).

«Купец из Бордо жалуется на великий убыток от того, что он не успел, будучи в Париже, окончить одного, очень прибыточного дела за важными с приятелями разговорами о том, какое крайнее разорение могут претерпеть их правнучата от погрешений Генерал-Контролера» (стр. 57).

«Республиканец, кичащийся мечтою вольности, ... шепчет приятелям своим, что друг его взял силу над целым управляющим собранием» (стр. 57).

«Догадливый историк, лет около двадцати тщательно упражняющийся в историческом испытании действий и причин, спешит записать: «Наконец я нашел, что во времена Нероновы от владычества коварств, под личиною униженности кроющихся... больше людей пострадало, нежели от оков и секир Нероновых» — и все сие пишет, разбирая древнюю рукопись о непокорности богам и о нелюбви к ним» (стр. 58).

«Mr. Lavaricioux всем жалуется, что суд не справедливо отнял у него имяние...» и кричит: «... где правда, где добродетели древних Республик?» (стр. 58).

«L'impriété même, реша почти все статьи, принадлежащие до политики, морали и проч., собирается писать систем *de la Nature*, только еще не решился в том, чье существо радужнее его ли или той лошади, на которой он поедет в поле...» (стр. 61).

«Le Sanjugement, желая издать такую книгу, которая бы ни с какой в мире не сравнялась... начинает писать о равенстве состояний. Для справок вынимает из своей библиотеки *Contrat Social* и другие» (стр. 62).

Все эти лица, по словам Лопухина, «являются внутренними причинами действий французов». Характеристики Лопухина направлены своим острием конечно не против французского дворянства и энциклопедистов, а против отдельных представителей русского дворянства и разночинной интеллигенции.

Как же настроения русского дворянства 1789 г. отразились в публицистике и что они создали в ней?

При такой постановке вопроса останавливает внимание характерное для дворянской общности этих лет явление. В подборе переводной литературы можно усмотреть и отражение этого процесса и выражение его, но в деятельности ведущих писателей этот этап не успевает сказаться — так кратковременно его существование.

5

То, что настроения 1789 г. не закрепились даже у отдельных представителей дворянства объясняется конечно недвусмысленным выступлением во Франции на сцену буржуазии, а также довольно резким отпором этим настроениям со стороны Екатерины.

Дело Радищева и новиковский процесс в самом начале подрезают возможность оформления и обнародования идей, сочувственных революции и вызванным ею социальным переменам. Но основным конечно оказывается крутой поворот, который претерпевает отношение дворянства к революции под впечатлением ударов по привилегиям дворянства.

Этим и объясняется то, что вся дворянская литература отразила настроения не восемьдесят девятого года, а те, которые последовали за ним.

Однако отдельные дворяне, своеобразно пережив изволнованность восемьдесят девятого года, сохраняют революционные настроения, воспитавшие декабристов.

Эти настроения своеобразно обнаруживаются и после восемьдесят девятого года, иногда выступая в соединении с настроениями разночинной интеллигенции.

Рассадником этих настроений в среде дворянской молодежи вероятно являлся шляхетный кадетский корпус, которым в это время заведывал Ф. Е. Ангалът.

С. Н. Глинка, один из его воспитанников, в своих «Записках» рассказывает, что «граф Ангалът не говорил ни о каких отдаленных причинах переворота европейского мира, но чтобы ознакомить нас с тогдашними обстоятельствами, учредил в нашем зале новый стол со всеми поврежденными заграничными изданиями.»¹

¹ С. Н. Глинка. Записки, СПб., 1895, стр. 76.

История шляхетного кадетского корпуса почти не изучена и дана в официальном изложении Висковатова (1832 г.) в виде крайне тенденциозного и скудного очерка. О взглядах, выработавшихся в корпусе, можно судить только по отдельным фактам. Так, в 1790 г. корпус издал книжку под заглавием «*La muraille parlante ou tableau de ce qu'on a écrit et dessiné sur la muraille du jardin du corps Impérial des Cadettes gentilshommes*».

Среди надписей имелись следующие: «Глас божий — глас народа» и другая «*Pope sagt, daß die Regierungsform die beste sei die am besten verwaltet ist*». На одной из стен в корпусе висел лист с именами авторов, писавших о воспитании и очевидно рекомендуемых к чтению. Среди них были Локк, Ж. Ж. Руссо, Кондильяк.

В «Записках» того же Глинки говорится между прочим о посещении кадетского корпуса графом д'Артуа (1793 г.). Во время посещения Ангальт, как рассказывает Глявка, проговорился, заметив, что «королевские братья похожи на слуг, которые кричат, что дом их господина горит и чем бы гасить его — они бегут» (стр. 77).

Аналогичное отношение к эмиграции было довольно распространенным среди оппозиционной аристократии.¹ Оно было связано с идеями русского буржуазно-дворянского патриотизма, формировавшегося во многом под влиянием примера революционного патриотизма Франции. Необходимо подчеркнуть, что патриотизм в России XVIII в. выступает своеобразным ранним славянофильством. В нем одновременно сказались два отношения к французской революции: с одной стороны, пример патриотизма, отмеченный русским дворянством, продолжавшим даже в 1793 г. сознать военные победы и отдельные заслуги революции,² с другой, — вражда к галломании. На основе вражды к галломании выросла борьба Шишкова с карамзинизмом и выступления против галломании, предшествовавшие этой борьбе.

В этом же 1793 г., когда Екагерина прерывает всякие сношения с Францией и политические темы становятся запрет-

¹ Его мы встречаем в письмах Растопчина к С. Р. Воронцову с упоминаниями о «знаменитых бродягах» и в неприяии С. Р. Воронцова к д'Артуа.

² В октябре 1793 г. Растопчин писал С. Р. Воронцову: «Некоторые из наших молодых женщин, желая возродить французскую любезность, убитую революцией, перестали быть добрыми матерями и порядочными жещинами и сделались достойными смеха» (стр. 109).

ными, при кадетском корпусе с посвящением Ангальту и без визы к печати (кадетский корпус имел свою цензуру) выходит книга И. Циммермана «Образ народного любочестия» (в переводе с немецкого).¹

Первое издание этой книги появилось в 1788 г. и было связано с наплывом книг, о котором говорилось выше.

Судьба и биография Циммермана интересны. Типичный разночинец — врач и философ, занимавшийся проблемами этики и морали, он к концу своей жизни откалывается от немецких просветителей и приходит к реакции.² Революцию он встречает враждебно. Циммерман пишет свою работу «Verteidigung Friedrich des Großen gegen den Grafen von Mirabeau» («Защита Фридриха великого от графа Мирабо»), ведет переписку с Екатериной. Ранние взгляды его во многом восходят к Руссо и к немецкому бюргерскому сентиментализму. Он друг Зульцера и Лафатера.

В книге «О народном любочестии» Циммерман выдвигает идею, что лучше других те правления, которые не удаляют человека от его естественного состояния (*natürlichem Zustande*). В этой книге (после восьмидесят девятого года Циммерман ее не написал бы) дается яркая характеристика и высокая оценка свободных стран, в которых в отличие от стран, поработанных деспотизмом, процветает равенство.

«За истинного республиканца признаю я токмо такого человека, — писал Циммерман, — который ненавидит всякого рода самовластье» (стр. 225).

В другом месте Циммерман говорит: «Равенство бывает также и во всех тех свободных странах, где малые люди не больших, а единых только законов страшатся, поелику обе сии степени покрыты оным, где не почитается все то преступлением, что токмо обращает на себя ненависть знатных; и где наконец и бедные люди не лишены также известных человеческих прав» (стр. 230).

Выход книги Циммермана не прошел незамеченным Екатериной. В связи с появлением в печати первого русского перевода этой книги были подвергнуты допросам Новиков, кн. Трубецкой, Лопухин и Тургенев. К делу московских мартинистов она была привлечена как материал для обвинения.

¹ 1-е немецкое изд. 1758 г., 4-е — 1768 г.

² См.: R. Ischer. Zimmermanns Leben und Werke, Bern, 1893.

И вот в 1793 г. кадетский корпус без цензурного разрешения управы благочиния выпускает эту книгу. Трудно сказать, была ли известна Ангальту ее роль в процессе Новикова. Во всяком случае он должно быть по своему разделял взгляды, высказанные Циммерманом в этой книге, поскольку он предпринял ее издание.

Книжка Циммермана в первый раз была переведена с названием «Народная гордость». Она разошлась двумя изданиями в сравнительно небольшой для XVIII столетия промежуток времени. Во всяком случае именно в конце XVIII столетия проблемы национальности, российской самобытности и патриотизма завоевывают столь общий интерес, что включаются в число литературных тем. Программная статья Карамзина в «Вестнике Европы» «О любви к отечеству и народной гордости» (1802 г.) дает общее теоретическое выражение небольшим статьям и литературным произведениям на эту тему.

Интересно сравнить книгу Циммермана и статью Карамзина. Последняя была написана не без учета первой и представляет собой ответ на круг мыслей, вызванных к жизни европейскими и русскими событиями конца столетия.

Однако, эти идеи Карамзина оказались в колее монархического патриотизма, а не продолжали «республиканское любочестие».

Пьесы из русской истории, дававшие осмысление падения вольного Новгорода (таких было несколько) также разрабатывают эту тему. Наиболее интересная среди них — «Вадим» Княжнина. Поэма о русских богатырях Львова, «Наталья боярская дочь» Карамзина, тот же «Вадим» — все эти произведения были связаны не только с волной историзма, вызванной к жизни ранним романтизмом, но в еще большей степени с философией национализма, оживленного политическими идеями французской революции.

Казнь Людовика XVI (1793 г.) была тем рубежом, на котором дворянство оставило заманчивые помыслы о республике аристократии и встало на защиту своих имущественных интересов, твердо гарантированных только монархией.

В этом процессе поворота идеи среднего и мелкого дворянства начинают доминировать в идеологии класса. Однако на основе противоречий между оппозиционными слоями дворянства и самодержавием продолжается брожение, в дальнейшем выдвигнувшее декабристов. Это движение в своих проявлениях трудно отличимо от проявлений разночинной интеллигенции.

Вероятно в это время шел процесс соединения вольнодумно настроенного дворянства и разночинной интеллигенции. Буржуазия, благодаря особенностям своего положения в России, в массе, как уже говорилось, была наименее революционна.

После девяносто третьего года о французской революции высказываются иносказательно.

В это время в Москве, в переводе Сандунова, печатаются «Разбойники» Шиллера и ставятся на театре Московского университета.

В 1794 г. выходит «История одного королевского сына, узника в Бастилии, обретенного под развалинами сей крепости и известного под именем «Железной маски» (перевод с французского, М., 1794)».

Эта книга является переводом французской брошюры «Histoire du Fils d'un Roi, prisonnier à la bastille, trouvé sous les débris de cette Forteresse. A Paris, 1789». В ней Людовик XVI назван гордым и надменным королем, повелевавшим своим народом тайными указами *lettres de cachet*.

В 1795 г. в Москве печатается «Гирум-Гарум» «сатирико-комический оригинальный роман в переводе с немецкого». Эта книга дает представление о спекуляции на интересе к словам «Франция», «республика», дававшей основу для заинтриговывавшей шутки, а может быть и для намеков.

В романе рассказывается о приключениях молодого человека из «знатной семьи кребильонова поколения», которого фортуна лишила родителей, обремененного долгами ученика некоего Блавшарда (лицо историческое), у которого герой учился подниматься на аэростате. На воздушном шаре он попадает в Америку, где разворачиваются его приключения. Он попадает в область, принадлежащую англичанам, где ему предлагают службу солдага, несмотря на ссылки героя на свое высокое происхождение от кребильонова поколения.

«Как скоро нашел я литеру Р, — рассказывает герой, — то не сомневался более чтоб не находился я действительно в вольной Северной Америке» (стр. 15).

На стр. 22 мы находим следующий разговор героя и его размышления:

«Так по крайней мере позвольте мне писать во фр..., или поискать моих единоземцев? — Корреспонденция с фр... говорил он (полковник) здесь запрещена, и по чести сказать, в Кур-

хилле нет ни одного фр... Как это, прервал я, нет ни одного фр..? и вы могли позабыть так скоро своих избавителей и друзей? Да уже позабыли — почему я ни мало не обязан отвечать за тебя фр... говорил мне полковник несколько суровее прежнего. Я был поражен... я думал найги здесь фр... нацию в великом уважении, под покровом коей намерен был требовать собственного счастья, но вместо того нашел совершенно сему противное...

Все вообще фр... сделались недоверчивыми у Американцев с некоторого времени, что и подало им повод привести военные свои силы в лучший порядок, дабы мужественно могли обороняться, когда фр... вздумают потребовать вооруженной рукой подати или взять что-нибудь в заклад».

Речь идет об англо-американской войне с французами, однако в 1795 г., когда дело шло к тому, что французы вооруженной рукой потребуют подати в завоеванных областях, тема переосмыслилась.

В этом же году выходит без имени автора перевод большого сатирического романа Виланда «История абдеритов». Виланд относился враждебно к французской революции. Роман его представляет сатиру на республику, но в нем, хотя и с трудом, косвенно можно было читать все о том же бунте французов.

В 1795 г. в С.-Петербурге выходит книжка под названием «Плоды свободного времени или переведенные на досуге с французского две повести» в переводе Георгия Баженова.

Эта книга интересна как отражение либеральных идей масонства, которое очевидно вопреки сложившимся представлениям не являлось единым реакционным кругом.

В лирической повести «Путешествие в Мекку», занимающей всего шесть страниц и написанной ради философической концовки, дается замаскированный отклик на события в Европе наименее реакционной части масонства.

«Человек вскоре позабыл словеса всевышнего; брат хотел повелевать братом и учинились врагами. Орудия несправедного употреблялись против невинного и его покорили; несправедный налагал законы, и его послушные рабы доставляли ему новых» (стр. 37).

«Человек опять позабыл словеса всевышнего; злые духи рассеяли плевелы недоверчивости от одного конца мира к другому, и страх вооружил народ против народа. Вскоре народы в началь-

никах своих узрели неприятелей, а начальники в народах своих непослушных животных.

«Цари, калифы, султаны, все властелины земные, затворите ушеса ваши от словес льстецов ваших. Внемлите природе, она вопиет вам, что мы все члены единого тела (стр. 38).

«О! судьбы людей, сграшитесь жалоб несчастных. Они протекают земли, переплывают моря; достигают небес; переменяют вид государств» (стр. 39).

Особый интерес представляет деятельность кружка, группировавшегося вокруг «Беседующего Гражданина». Замечательно, что деятельность его не прекратилась с окончанием издания журнала.

В 1912 г. Н. Г. Высоцкий напечатал в «Русском Архиве» статью: «Запрещенные при Екатерине великой книги». В ней говорится о запрещении «Новейшего повествовательного землеописания всех четырех частей света» (1796 г.). Высоцкий приводит четыре цитаты, извлеченные цензором из «Новейшего землеописания»: две цитаты о Петре I и две цитаты о Людовике XVI. Из заметки Высоцкого так и остается неясным, кто же был автором этого издания.

Между тем, если бы он обратился к самой книге, ему из предисловия стало бы сразу понятно, что автором были двое или несколько членов кружка издателей «Беседующего Гражданина». На титульном листе указано: «Сочинено и почерпнуто из вернейших источников, новейших лучших писателей, учеными россиянами». В предисловии «ученые россияне» несколько раз пишут о себе, как об издателях «Беседующего Гражданина».¹

Приведенные Высоцким цитаты далеко не самые интересные. Вся глава, посвященная землеописанию Франции, дает крайне ценный материал, позволяющий судить об отношении данного кружка к французской революции. Вот как излагают причины революции и образование Национального собрания.

«Упадок доходов, причиненный несчастливим правлением Людовика XVI, и который легкомыслие и расточительность министров и Двора Людовика XVI, в его юности, привели до крайно-

¹ «Беседующий Гражданин» издавал М. И. Антоновский, в журнале принимали участие Радищев, П. Яковлев, К. Лубьянович, С. Пестов, А. Выштомский, И. Степанов, М. Доброгорский, И. Сафонович, В. Шереметьев, С. Бобров, С. Тучков и С. Завалпевский. Во всех двенадцати номерах журнала печаталось «Политическое описание Европы вообще».

сти, сделал наконец необходимым съезд чинов государства, яко последнее средство, к уврачеванию сего зла. Государственные чины воспользовались благоприятствующими обстоятельствами, в которых они находились и просвещением своего времени, к искоренению старых злоупотреблений, и к сочинению для государства нового Постановления».

Далее излагается довольно подробно конституция, принятая Людовиком XVI; излагается с явным сочувствием. Однако ко всему месту дано следующее примечание, более позднего происхождения: «Хотя сие постановление больше, сколько известно, не существует и уничтожено Анархией нынешнею во Франции, как и всякий порядок общественный, а на место оногo заступило Варварское неустройство: но поелику оное было утверждено человеколюбивейшим и купно несчастным законным государем Людовиком XVI, то яко повествователям, и не оставалось нам, при издании сего всеобщего повествовательного землеописания, как представить читателям Францию в том виде, в каком она еще представляла собой, как ни есть устроенную в числе европейских прочих, державу. Исключить же оную из числа держав при сем описании мы не находили довольно причин» (т. II, стр. 224).

Подробно излагая политический и юридический строй, создававшийся конституцией, авторы явно сочувственно рисуют новое положение вещей. В части, описывающей достопримечательности Франции, о Бастилии сказано: «Бастилия была крепкий замок с восьмью башнями, построенный Карлом V против нападения англичан. Людовик XI превратил оный в тюрьму, Генрих IV, сохраняя собранные благоразумною своею экономией сокровища, которые в первые годы правления его сына расточены. С того времени служил оный кардиналу Ришелье и его последователям, для заключения жертв их тиранства, до тех пор, пока Парижцы, 14 июля 1789 года не овладели оным, и совсем не разорили» (т. II, стр. 261).

В этих строках так же проглядывает сочувствие к разрушению Бастилии, как в примечании непонимание и неприятие всего, что последовало за провозглашением новой конституции.

Казнь короля, экономические мероприятия республики, революционный террор, — все это вызывает только философскую медитацию о превратности судеб и неумелости людей, впадающих из одной тирании в другую.

В восприятии французской революции радикальными кругами дворянства и разночинной интеллигенции, особенно той частью, которая корнями уходила в дворянство, существовали общие черты. Однако, в восприятии разночинной интеллигенции заключалась особенность, характеризующая только ее позицию: недоверие к успеху и силам революции.

При обыске в типографии Крылова и Клушина в марте 1792 г. было найдено сочинение Клушина «Сны аллегорические, философические и сатирические». Сочинение это было после обыска уничтожено автором. Уцелело только подробное изложение, которое затребовал от Клушина П. Коновницын. Повидимому, у автора не было возможности написать нечто совершенно новое и несхожее с «Аллегорическими снами»: Дмитревский и Плавильщиков должны были подтвердить, что содержание изложения «в точности» сходно с оригиналом. Вероятно, вещь была известна и еще кому-нибудь. И все же пересказ этот сделан нарочито туманно. Н. В. Рождесгвенский, опубликовавший текст пересказа, полагал, что в нем заключены намеки на какие-то судебные истории. Однако, самый текст при внимательном чтении указывает на то, что за этой аллегорией Клушин высказывал нечто большее.

В аллегории раскрыто содержание социальных перемен, которые должна была принести революция, но не принесла, по мнению автора, а также предсказана война коалиции против Франции, победа в которой, по мнению Клушина, должна была остаться за коалицией. Приведем текст аллегории полностью.

«Горлицы. На берегу протекающей речки заметил я множество горлиц: они сидели в кружок, поджав крылья и зачихнув носы в свои перья. Одна говорила к другой, сидящей подле нее: не тронь моего гнезда, а я твоего не трону.— Так, так,—сказала третья, а за ней многие,—пусть каждый владеет своим. Конечно, промолвили они: но если захотят отнять наши гнезда, так что мы тогда будем делать? Тогда, сказала одна горлица, вооружимся мы против всех птиц, соединенными силами. Но послушайте наше постановление: Ни какая из птиц не имеет права отнять у другой ни зерна пшеницы, ни крупы, ни всего, что потребно в пищу.

Ежели бы одна или две согласились из нас обидеть маленьких детей, потому что они бессильны, — тогда все за притесненных вступаются; и ежели будут преступники найдены, наказываются и изгоняются.

В чем право каждого из нас? Питать себя своими трудами, а не похищать насильем.

Мы все птицы, стало мы братья — родство требует дружества, согласия — и вот в чем наше блаженство.

Многие слушали проповедника с удовольствием, многие зевали; а он пользуясь их хладнокровием, увеличивал гнездо свое.

Я ожидал, что их приговор будет сохраняться, как нечто священное; но они уже один к другому приближались. Я взглянул на другую сторону реки и увидел сидящих воронов, которые на горлиц пристально смотрели.

— Что это значит? спросил я благотворного духа... Это вороны, отвечал он, ожидают скоро ли кончится постановление горлиц; и по тому, что они не могут сохранить своих условий, то воспользуются их гнездами.

— Как! вскричал я: так тут непременно последует кровопролитное сражение!.. Ах сокройте, сокройте сию погубную от меня картину... сердце мое чувствительно: без содрогания душевного не могу я воззреть на сие...»¹

Аллегория Клушина дает нам яркую картину и неприятия французской революции при общем сочувствии антифеодальной идеологии, и одновременно неверия в ее силы.

Еще более отчетливо сказалось неприятие всего, что неизбежно сопровождало революцию, в отношении И. Пнина, взгляды которого были близки к взглядам разночинной интеллигенции. В «Опыте о просвещении» Пнин писал: «Народы же со своей стороны познают, сколь бедственны такого рода правления, что сколь ни великолепны нравы, из которых составлена была революционная конституция Франции, со всем тем, как опыт подтвердил, никто в существе самом не пользовался оными...»²

Достаточно вспомнить отношение радищевского круга, отношение самого Радищева, для того, чтобы стало ясно, что разночинная интеллигенция потеряла веру в успешность французской революции и революционного пути вообще.

В сознании разночинной интеллигенции, отчасти под влиянием утопической литературы, отчасти под влиянием Руссо, су-

¹ Н. В. Рождественский. И. А. Крылов и его товарищи по типографии и журналу в 1792 году. Сб. Моск. Глав. арх. Мин. иностр. дел, 1899, вып. 6, стр. 337—352.

² И. Пнин. Опыт о просвещении относительно России, 1804, стр. 36.

уществовало представление идеального строя: Аркадский золотой век, в котором процветали примиренные сословия.

Между тем путь к этому золотому веку многие из буржуазной и дворянской разночинной интеллигенции, а также дворянские масонские круги искали в индивидуальном усовершенствовании. В основе такой философии несомненно лежало опасение последствий социального переворота для своего класса. Это понятно, если говорить об одном дворянстве, но что заставляло разночинную интеллигенцию опасаться революции?

Вспомнив положение разночинной интеллигенции в XVIII в. в России, мы находим ответ на этот вопрос. Разночинная интеллигенция не срослась ни с одним из «высших» классов, интересы которого она могла бы защищать в открытой борьбе. Отсутствие радикально настроенной буржуазии имело при этом решающее значение, а также и тот факт, что капитализация в России велась передовой частью дворянства. Этой особенностью объясняется и то, что уже в XVIII в. разночинная интеллигенция берет за одну скобку и помещика, и купца, выдвигая крестьянство как сословие, интересы которого тесно связаны с развитием России и ради которого стоит бороться.

Это одно из основных отличий русского исторического процесса от европейского, однако в этом же заключалась и слабость разночинной интеллигенции XVIII столетия. Лишенному опоры, не видящему нигде вблизи перемен, разночинцу XVIII века представлялась возможность замкнуться в индивидуалистические теории. Радищев, человек высокой активности, не надеясь что-либо переменить в не оправдавшем надежды александровском царствовании, покончил с собой, выйдя из ссылки.

В этой слабости разночинной интеллигенции заключалась основа ее разочарования в революции, непонимание ее и успех индивидуалистических теорий.

Отчасти сходное по выражению, но иное в своем основании, было разочарование оппозиционного дворянства и тех дворянских кругов, для которых капитализация представлялась более удобной при конституционной форме правления. Выразителем этих настроений явился Карамзин.

В его литературной деятельности находит отражение разочарование в революции и неверие в ее возможности, как раз либерально настроенных представителей дворянства.

В «Послании» Карамзина к Дмитриеву (1794 г.), в котором Карамзин под впечатлением французской революции ставит под сомнение возможность существования французской республики, отразились эти настроения.

Но время, опыт разрушает
 Воздушный замок юных лет;
 Красы волшебства исчезают...
 Теперь иной я вижу свет, —
 И вижу ясно, что с Платоном
 Республик нам не учредить...¹

Карамзин, как и разночинцы, отвернувшись в 90-х годах от революции, мечтал до этого о революции мирной и бескровной.²

Творчество его в эти годы развивается в двух направлениях: в сторону легкой салонной «поэзии безделок» и философской лирики, во многом связанной с размышлениями над примером великой буржуазной революции.

В письме к Дмитриеву от 17 августа 1793 г. Карамзин пишет: «Я живу, любезный друг, в деревне с людьми милыми, с книгами

¹ Интересно, что незадолго перед этим выходит «Республика» Платона в русском переводе. Это лишний раз подчеркивает прагматический характер чтения философской и политической литературы в конце XVIII столетия. «Республика» Платона, повидимому, крайне занимала Карамзина: через два года (1796) в стихах «К бедному поэту» он к ней возвращается снова и шутливо подчеркивает, что размышления на эту тему остаются в удел мечтающих поэтов.

Или Платона воскресая,
 И с ними ум свой изощряя,
 Закон республикам давай,
 И землю в небо превращай.

² Однако, в самом начале революции Карамзин был увлечен настроениями восьмидесят девятого года. Николай Тургенев в своей книге «La Russie et les russes» писал: «В молодости Карамзин видел Европу; он прибыл во Францию во время террора. Робеспьер внушал ему благоговение. Друзья Карамзина рассказывали, что получив известие о смерти грозного трибуна, он пролил слезы; под старость он продолжал говорить о нем с почтением, удивляясь его бескорыстию, серьезности и твердости его характера и даже его скромному домашнему обиходу, составлявшему по словам Карамзина контраст с укладом жизни людей той эпохи» (цитирую по русскому переводу), М., 1915, ч. III, стр. 342. В этом свидетельстве есть неточность (Карамзин приехал во Францию летом 1789 г.), но общий ее смысл не вызывает, повидимому, сомнений.

и с природою, но часто бываю очень, очень беспокоен в моем сердце. Поверишь ли, что ужасные происшествия Европы волнуют всю душу мою? Бегу в густую мрачность лесов — но мысль о разрушаемых городах и гибели людей везде теснит мое сердце. Назови меня Дон-Кихотом; но сей славный рыцарь не мог любить Дульцинею свою так страстно, как я люблю человечество!¹

За месяц перед этим в стихах «Приношение грациям» Карамзин говорит, что он живет «под мраком черных туч ужасных грозы, носящейся над нами». Впечатление, произведенное революцией на Карамзина, было огромно и формировало его политическую позицию, литературные устремления вплоть до интересов в области истории. Самое движение в отличие от провинциального дворянства он склонен расценивать чрезвычайно высоко.²

Какие же темы занимают в это время Карамзина? В «Послании к Дмитриеву» мы находим ответ на этот вопрос. Его занимает невозможность примирения классов. Пример революции подтвердил это. Попрежнему неизбежно должно царить неравенство и несправедливость.

Когда несчастных Данаид
Сосуд наполнится водою,

а это, как известно, никогда не может случиться, ибо он без дна, — тогда, пишет Карамзин:

Сатурн на землю возвратится
И тигра с агнцем примирит;
Богатый с бедным подружится
И слабый сильного простит;³

¹ Письма Карамзина к Дмитриеву, под ред. Грота, стр. 42

² В 1797 г. Карамзин поместил в «Spectateur du Nord» «Un mot sur la littérature russe». «Enfin l'auteur va parler de la révolution, — писал Карамзин, — . . . La révolution française est un de ces événements, qui fixent les destinées des hommes pour une longue suite de siècles. Une nouvelle époque commence; je le vois, mais Rousseau l'a prévue . . . Et l'on veut déjà regarder la révolution comme finie! Non! non! On verra encore bien des choses étonnantes; l'extrême agitation des esprit en est le présage».

³ Интересно, что эта тема непримиримых противоречий живо занимает Карамзина и в дальнейшем. Почти теми же словами высказывается Карамзин в письме к князю П. Вяземскому в октябре 1818 г.: «Между тем желаю знать, каким образом вы намерены через или в десять лет сделать ваших крестьян свободными, научите меня: я готов следовать хорошему

Дотоле истина опасна,
 Одним скучна, другим ужасна;
 Никто не хочет ей внимать —
 И часто яд тому есть плата,
 Кто гласом мудрого Сократа
 Дерзает буйству угрожать.
 Гордец не любит наставленья,
 Глупец не терпит просвещения —
 И так лампаду угасим,
 Желая доброй ночи им.

Какой же выход из круга неустрашимых противоречий, сохраняющихся и при революции?

Но что же нам, о друг любезный!
 Осталось делать в жизни сей?

спрашивает Карамзин и отвечает:

Себе построим тихий кров
 За мрачной сению лесов.

В том же году в послании к А. А. Плещееву Карамзин возвращается к этим же мыслям:

Чгож делать нам? Ужель сокрыться
 В пустыню Муромских лесов?

Казалось бы, позиция весьма близкая к позиции разночинной интеллигенции, между тем за ней стояло не одиночество разночинной интеллигенции, к которой Карамзина можно причислить лишь по внешним признакам профессионала литератора, а молчаливый отказ от надежды на блага конституции, поскольку их приходится завоевывать таким опасным путем, с вероятностью потерять все, как потеряло дворянство во Франции.

Эта дворянская философия, смысл которой не только в отказе от разрешения социальных и политических вопросов, но и в возвращении в лоно монархии, определила темы и даже жанровые и стилистические интересы Карамзина.

В этом случае мы уже сталкиваемся с фактом того, что в основе литературного процесса присутствовала доля влияния французской революции.

примеру, если овцы будут целы и волки сыты. Это шутка и не шутка: («Старина и Новизна» 1897, кн. I, стр. 65).

Не прошла незамеченной революция и для другого крупнейшего писателя этих лет. Для Державина, откликнувшегося на нее стихами «В честь князя Пожарского» и «На панихиду Людовика XVI» с непримиримой враждебностью, для Державина, верного слуги престола, однако, далеко не мимолетно прошли события французской революции.

Архив поэта, находящийся в Институте русской литературы АН позволяет предполагать, что вопросы, сплетавшиеся с самым фактом французской революции, были весьма существенны для Державина. В архиве находятся выписки из иностранных газет о революции и ряд рукописных статей, ходивших по рукам и связанных с попыткой дворянских кругов уяснить свое место в историческом процессе и свое поведение под впечатлением буржуазного переворота во Франции. Это сквозит обычно в первых же фразах о трудных временах, об испытаниях.

Дворянство ищет пути и находит его, оглядываясь назад.

Неизвестный автор одной из таких статей пишет: «Предрассудок, будучи вреден для художеств и торговли, служит хлебопашным странам стеною, за которою сохраняются тихие и целые нравы».¹

В этих выступлениях было не только примирение дворянства с абсолютизмом, но и значительные уступки идеологии мелкого, наиболее ретроградного помещика.

С защитой монархии от революции выступал и поэт масон Херасков. В предисловии к своей поэме «Царь или спасенный Новгород...» (1800 г.), посвященной Павлу I, Херасков писал:

«Две картины изобразить я вознамерился: в одной представить весь ужас безначальственного правления, пагубу междуусобий, бешенство мнимой свободы и безумное алкание равенства: к сожалению моему нашел я некоторые, хотя и сглаженные, но по преданиям еще памятные следы злощастного возмущения в Российской истории, когда Великий Новгород при боярине Гостомысле возмутился, о чем и Г. Сумароков в своей трагедии «Синав и Трувор» говорит.

Признаюсь, что разительнейшие черты страшного мятежничества перенес я в мою повесть из пагубного переворота беснующейся Франции, позор нашего века напишущего, стыд роду человеческому наносящего и меру возможных злодейств преисполняющего.

¹ ИРЛИ, Архив Г. Р. Державина, № 78.

Но для другой картины, государств и народов счастье изображающей, легко мне было прибрать живейшие краски и подобия: — взглянул я на мое отечество . . .»

В позиции Хераскова интересна связь политического ответа на революцию и одновременно противопоставление ей национальной сути России, причем русские национальные черты идеализируются. Эта черта характерна для дворянской литературы и публицистики этих лет, а также и для части разночинной интеллигенции, выражавшей интересы буржуазного протекционизма, как например Плавильщиков и Крылов.

В отказе от идей «зараженного Запада» хранилась основа интересов, привлекавших внимание русских писателей к фольклору, национальной культуре и национальному герою, и здесь дворянство выдвигает своих Пожарских, а купечество своих Мининых. Эти взгляды горячо проповедывал журнал Крылова, Клушина и Плавильщикова — «Зритель».

Национальный персонаж и герой создаются в среде раннего «славянофильства» XVIII столетия в противовес «европейской заразе»,¹ но с другой стороны, в их литературной практике отражено сказываются идеи национального патриотизма, типичные для республиканской вольности и широко пропагандировавшиеся во Франции.

Значительно позже для части дворянства образы Минина и Пожарского ассоциируются с представлениями о свободе. А. И. Кошелев в своих «Записках» писал: «Хотя в Москве . . . эти слухи (о декабристах. А. К.) были так живы и положительны и казались так правдоподобными, что Москва или, вернее сказать, мы ожидали всякий день с юга новых Мининых и Пожарских».²

Интересно отношение в эти годы в России к классицизму, который был воскрешен французской революцией.

Маркс в памфлете «18 брюмера Луи-Бонапарта» указал на использование старых форм в борьбе за новое общество: «Едва

¹ Автор «Картины просвещения россиян» (СПб., 1799), каразинист, стремясь подчеркнуть значительность миссии России, писал о Европе: «Неизвестно чем кончится судьба на западе Европы возобновленного просвещения, впрочем нельзя утверждать, чтобы и сию часть лица земного не постигла обыкновенная участь. Франция и теперь довольно склонилась к падению; и почему знать, долго ли просвещеннейшая из всех наций Великобритания будет возбуждать собой удивление народов» (стр. 21—22).

² А. И. Кошелев. Записки., Берлин, 1884, стр., 15

новая общественная форма успела сложиться, как исчезли допотопные гиганты и все римское, воскресшее из мертвых» писал Маркс о классицизме французской революции, отмечая что «... одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета».¹

Вопрос о значении для России французского классицизма времен революции — особая и очень сложная тема. Во всяком случае можно указать, что рядом со славянофильскими тенденциями, в годы непосредственно следующие за революцией, еще раз переосмыслиется классическое наследие, причем, надо думать, не без ее влияния. Под ее влиянием, а позже под влиянием греческой и испанской революции, привносится то значение в образы Брута, Катилины, Публиколы, которое звучит в последнем стихотворении Рылеева. и др.

Все эти вопросы — самостоятельные темы, как и тема о значении французской революции в идеологии радикального крыла декабристов. В данной статье автор ставил себе задачей только наметить расстановку классовых сил и охарактеризовать первые впечатления от революции и первые отклики на нее в русской литературе.

¹ Маркс и Энгельс. Сочинения, изд. ИМЭЛ, М.—Л., 1930, т. VIII, стр. 399.